

ТОНЯ

МИХАИЛ БАЛАБИН
Выпускник режиссерской
лаборатории Санкт-Петербур-
бургской школы нового кино.
Повести входили в длинный
список литературных премий
«Дебют», «Лицей». Тексты
публиковались в издатель-
стве «Эксмо», литературных
журналах «Юность», «Сибир-
ские огни».

— Он поцеловал меня, — говорит она. — Я не знала, как тебе рассказать...

Муж ворочает чашку по часовой. У них на кухне так много света.

— Помнишь, я ездил в Китай. — Она больше не улыбается. — На лето. Это было всего один раз.

Ферфор раскручивается по часовой. Муж думает о колоколе без языка.

— Мы тогда уже почти год, как с тобой встречались. Я не хотела, но он поцеловал меня...

Тоня смотрит в пол. Она нарезала яблоки. Нож пахнет металлом, а яблоки пахнут ничем. На вкус они похожи на полиэтилен. Вспривитию спине. Тоня прислонилась — в столешницу встроена плита. Столешница врежется в позвоночник.

— Да.

Муж произносит это, но Тоне непонятна интонация. Она не пахнет металлом. Она не похожа на яблоки, но напоминает полиэтилен.

Чашка движется по часовой. Если раскрутить ее сильнее, то она завернется на ребре. Если прислонить ее к уху, то можно услышать звук раковины.

— Я ему сказала, что у нас ничего не будет, потому что я не одна...

Если открыть кран, в раковину льется вода. Если приложить к уху — в раковине будет море.

— Но тот китаец поцеловал меня. Он влюбился... Я сразу ушла. Больше мы никогда не видо-

лись. Мне тогда было, кажется, девятнадцать... Да...

Тоня неподвижна. Ее зрачки быстро движутся из стороны в сторону, и кажется, будто она читает что-то на стене.

— Я не хотела, — говорит Тоня. — Этот китаец взял и поцеловал меня...

Ее плечи начинают мелко трестись. Свет ослепляет. Лампы — шесть в люстре и шесть на шнурах под потолком. Муж пытается вспомнить, какая у них мощность.

— Тогда мне было девятнадцать. Теперь мне тридцать два, — вздрагивает Тоня. — Все это так давило...

Сначала ей стягивает горло. Потом вода. Тонкие струйки стекают к подбородку и что-то хлещет, когда Тоня пытается утереть их. Рот корчится. Наморщен лоб, и, наверное, будут морщины.

— Мне было перед тобой так стыдно, вот и все...

Некоторое время у нее не получается говорить.

— Вот и все...

— Ничего, — говорит муж.

И снова Тоня не может определить интонацию. Это что-то белое. Как нагретый пластик во рту.

— Завтра рано вставать, — говорит муж.

— Да-да... — Налив воду, Тоня быстро пьет.

Дрожь все не отступает. Наконец у нее получается высморкаться, прижав к носу салфетку. Намокшая бумага липнет к пальцам, но она не замечает.

– Ты ложись... – тихо говорит она. – Я буду еще собираться. Мне надо собираться..

– Успеешь.

Тоня снова пьет. Но этот вкус, теплый пластмассовый вкус никуда не уходит.

– Сколько еще нужно всего.. – Пластик налит на языке. – Я составила список. Ты иди..

В спальне темно. Беззвучно работает телевизор. Кровать в отблесках синего кажется совсем пустой. Укрывшись одеялом, муж слышит, как Тоня переключает веди за стеной. Он закрывает глаза и лежит, прикрыв подушкой голову. Иногда Тони заходит к нему и тихо достает что-то из шкафов.

У нее новые футболки. Кажется, Levi's..

Сквозь потную ткань сна почти не слышен ее голос.

Муж просыпается от будильника, но подушка рядом пуста.

– Так.. На завтрак у нас каша, – говорит Тоня, когда он заходит на кухню. – Сейчас тебе наложу. Кофе будешь?

– Ты ложилась?

– Да-да.. – Она поливает овсянку медом. – Что тут у нас? А!

Варезка бананов на разделочной доске. Липкие кусочки падают в тарелку.

– Уже перелопачала кучу всего, пока ты спишь. Ты очень много спишь.. У нас сегодня в десять, помнишь?

Муж вяло мнет сероватую массу ложкой.

– Ты помнишь, да?

– Да..

Тоня добавляет в кофе молоко и опускает в чашку металлическую трубочку. Она не уверена, есть ли у этой трубочки название. Гудит кофемашинка. Мокрые пальцы скользят, и в спешке Тоне не сразу удается повернуть переключатель. Застыв, аппарат нагнетает пар, и бурная поверхность в чашке всплывает. Выплеснув из себя совсем чуть-чуть, машина вздрагивает в конвульсиях. Тоне становится смешно.

Ей смешно, когда они едут в джипе. За окном насаженные солнцем деревья. Коробка листает передачи.

– Что? – спрашивает муж.

– Да так, ничего. Вспомнила, как ты сказал, что хочешь купить джип, а я спросила: какой марки джип? – Тоня пролистывает что-то в телефоне. – А ты так и ответил: джип. Смешно..

– Не знаю.. – говорит муж. – Тебе весело?

– Так. Я вообще очень позитивный человек.. – Улыбаясь, Тоня смотрит на часы. – Вчера хотела записаться через интэрнет, но там есть время

только на среду.. Пришлось отправлять запрос на почту, но я не думаю, что они на выходных прочтати. Так что надо успеть, они работают с десяти..

– Беа записи не примут.

– Почему ты все время каркаешь? Этот пессимизм.. Просто надо верить, и все получится! О, какая красивая.. – Сделав звук радио погромче, она подпевает. – Да.. Это моя музыка.. Да..

Муж думает, что молчание – как стекло в телефоне. Его наклеивают на экран, а отдирается оно с тихим хрустом. Сделано так, чтобы осколки повисли на пленке.

Тоня покачивается в такт музыке, улыбаясь.

– Сегодня ты ярко нарядилась..

– Ты просто не замечал. – Тоня смотрит в зеркало. – Я всегда так ходила. Не хочу быть серой мышкой! Я по природе боец, а не насадка, которая..

– А что кричишь?

– Я не кричу. У меня прекрасное настроение. – Тоня опускает стекло, и утренний кислород проникает в салон вместе с пиликаньем световфора. – У меня всегда прекрасное настроение! Просто ты..

– Смотри, дети идут в школу. – Муж покачивает на переход.

– Да, я вижу. Такие нарядные, с цветами.. Кстати, я уже заказала букет маме, ей будет приятно. Сегодня должны привезти.

– Первое сентября. Я и забыл..

– Надо позвонить, поздравить.. Да прямо сейчас и поздравлю! Почему я все время откладываю? – Тоня набирает номер. – Как это ты мог забыть? А ты свою маму поздравил?

Включив поворотник, муж перестраивается направо.

– Как всегда, – говорит Тоня. – Позвони, ей будет приятно. Не откладывай.. Привет! Алло.. Привет, а я знаю, какой сегодня день! У кого сегодня праздник? А? С днем учителя, ура-ура! Желаю тебе солнечной погоды, никогда не грустить, следить за собой, вот.. не есть вредности, не толстеть и всего-всего-всего! Ми-и-ми!

Муж слушает, как едва уловимо смеется из динамика Тонина мама. Приглушив музыку, он нажимает на кнопку. Аварийка тикает, дробя осень на отрезки. Небо уже всосало в себя часть тепла. По улице в крыльях машин скользит пустое солнце. На другой стороне из-за ограды Академии связан имени Буденного смотрит на мир Александр Второй. Мужу кажется, что нет никакой связи, только про-

Тонкое тело обтянуто черной футболкой с надписью Star Wars. Покачиваясь с носка на пятку, она приподнимается на цыпочках, замирая: кроссовка – нагая нога – небо. Дрожит на юбке бахромы их кожаных полосок. Иногда Тоня, чуть запрокинув голову, смеется. В мочках золотые леопарды, леопарды кусают кольца, леопард на пальце блестит, прижав уши. И сама она хрупкий леопард в расстегнутом кардигане – поправляет тонкую шерсть с черными пятнами.

стринство, расчерченное металлическими линиями на равные части. И все же они похожи – красный маршал и освободительный царь, похожи своими услии, которые тоже линии из прошлого в будущее, делящие время горизонтально. А значит, у времени есть не только это мерцание оранжевым, но и верх и, наверное, низ.

«Тик», – произносит аварийка.

– У меня все очень хорошо. После обеда забрав билеты в Крым. Да... – говорит Тоня. – Купила новый купальник, вот... Хочу танцевать у моря и загорать!

Она смеется.

Включив задний ход, муж начинает движение, плавно выворачивая руль.

«Так», – шелкает аварийка.

– Да. Я тебе сразу позволю, как долечу. Конечно... Ну все. И не запускай себя больше! То фото, что ты скинула, – это просто ужас! Это потому, что ты еще что попало...

Муж встраивается в просвете между машинами. Возле входа в небольшое двухэтажное здание – очередь.

– А кто последний? – спрашивает Тоня.

– Вы по записи?

– Да, я по записи, я записалась через почту...

– Тут по списку вызывают... По несколько человек из-за «короны»...

– А-а-а. Повитно, – говорит Тоня. – Интересно...

Горстка людей смотрит на дверь. В небе синева расплывается по холодной горизонтали. Это тоже линия, отмеренная отрезками на вчера и сегодня. И где-то посередине вертикаль – осень.

Еще нет желтизны, но люди не замечают, потому что люди в очереди скучны. Тоня разговаривает со стариком. От него пахнет мылом. Завяв под мышкой папку, он рассуждает о вирусе. «Да... Ну конечно. Так и есть», – громко соглашается Тоня. Тонкое тело обтянуто черной футболкой с надписью Star Wars. Покачиваясь с носка на пятку, она приподнимается на цыпочках, замирая: кроссовка – нагая нога – небо. Дрожит на юбке бахромы их кожаных полосок. Иногда Тоня, чуть запрокинув голову, смеется. В мочках золотые леопарды, леопарды кусают кольца, леопард на пальце блестит, прижав уши. И сама она хрупкий леопард в расстегнутом кардигане – поправляет тонкую шерсть с черными пятнами. Рукава обрамлены зеленым, а на левом запястье часы с Микки-Маусом. Мышонок, притаившаяся, показывает время. Тоня постукивает два раза по экрану.

– Десять часов восемнадцать минут! – пропевает Микки и залихватно смеется. – Доброе утро!

– Доброе утро, – нежно повторяет за ним Тоня.

Чуть улыбнувшись, она поворачивается к женщине у самой двери:

– А вы за чем стоите?

Волосы женщины выкрашены в рыжий, у корней проблескивает седина.

– Что? – переспрашивает она.

– А вы за чем стоите?

– Да вот... Чуть приподнимаются уголки губ. – Пришла за свидетельством о смерти.

Ветер едва вевет ее испорченные химией кудри.

– Привольно... – говорит Тоня.

Помолчав, она добавляет:

– То есть...

– Десять часов двадцать одна минута! – радуется случайному касанию Микки, притаиваясь ножкой.

Из дверей появляются руки, и сухой голос спрашивает:

– Патруевич здесь? Так... Кто еще на половину одиннадцатого?

Тоня прерывисто объясняет, что записка через «Госуслуги» не была, и она звонила, но не дозвонилась, поэтому отправила письмо на почту, а вообще ей обязательно нужно именно сегодня, и что у нее уже через интернет оплачена повлинка:

– Вот распечатка..

Муж думает о том, что плитка под ногами перпендикулярна поребрику, а асфальт на проезжей части продавлен колесами машин и образует едва заметную волну так, что геометрия испорчена навсегда, и не остается ничего иного, как непрерывно смотреть на разделительную полосу, где, наклонившись до боли в глазах, сияет солнце.

Под напором Тони их пропускают внутрь и оставляют сидеть на обитой дерматином скамейке. Кожзам скользко на ощупь. Муж закрывает глаза. Разделенные голоса почти неразличимы. Он пытается сосредоточиться на изнанке век.

Вскоре Тоня зовет его в кабинет, и они садятся друг напротив друга. За столом остролицая девушка перебирает бумаги.

– Вот, – говорит Тоня. – Пошлину и оплатила.

– Паспорта, пожалуйста. Так..

Остролицая впечатывает текст. Клавиши двигаются под пальцами, пластик мягко уходит вниз – на экране, который ни Тоня, ни муж не видят, появляются символы кириллицы. Комната напоминает бутылку бесцветного стекла, заполненную светом.

– Совместные дети есть?

– Нет-нет, – отвечает Тоня. – Детей нет, но я хочу.. А когда можно будет получить этот документ, который выдают..

– Свидетельство?

– Свидетельство. Да, я знаю..

– Ну, где-то через месяц. Может быть, чуть больше – сейчас все расписано. Точнее скажу, как оформим. Фамилию сохраняете?

– Нет, хочу старую..

– Тогда пишите здесь на бумажке разборчиво.

Ручка не пишет, и приходится повторять уже проведенные линии по несколько раз. Закончив, Тоня откидывается на спинку стула. Чуть улыбаясь, она рассматривает что-то на потолке.

– У вас тут очень красивая лепнина.. узор..

– Здание старое..

– Я знаю. Да.. Очень красиво..

Остролицая хихкает.

– А вы здесь давно работаете? – спрашивает Тоня.

– Несколько лет. Сейчас я распечатал заявление, и вам вдвоем нужно будет подписать..

– Да. Я знаю..

Тоня то сдвигает, то разводит колени, не замечая, как задралась ябка.

– А я завтра поеду в Крым, – говорит она.

– Завидую вам..

– Да.. Я уже была там по обучению, а теперь хочу отдохнуть..

Муж смотрит на кружевную полосу у нее между ног.

– У тебя там все видно.. – тихо говорит он.

Блуждая взглядом по комнате, Тоня спрашивает:

– У вас, наверное, очень много людей за день проходит?

– Бывает.. – не отрываясь от компьютера остролицая.

– С утра с людьми, это очень сложно..

– У всех свои вопросы. Некоторые просто кричат, требуют. Иногда просто удивляешься..

– Да! – соглашается Тоня. – Я понимаю.. И каждый что-то хочет на определенных эмоциях и нужно с каждым коммуницировать! Вы молодец..

– Спасибо..

– Да.. Вы молодец.

Принтер дребезжит, прокатывая роликами белые листы. Муж думает, что если быстро провести по краю кончиком пальца, то выступит кровь. Тонкий порез также получается, если провести по коже ленткой зеленой травинкой..

Пахнет нагретым тонером.

– Это ваше заявление. Нужно, чтоб подписали оба, – говорит остролицая. – Здесь и здесь..

Когда они едут в машине, Тоня повторяет список. Пляжное полотенце. Коралловый купальник. И еще второй, новый. Сумочку с Микки. Умывалку для лица. Плитку: темное с грибочками, голубое. Отсолнечные очки. Повие футболки и футболку с Барби. Босоножки.. Надо еще успеть купить красивые шлепки, чтобы ходить на пляж..

– Что? – переспрашивает Тоня.

– ..Успеваем к двенадцати. В двенадцать у нас назначено, забыла? – говорит муж.

..Зубную пасту с кальцием, как сказала стоматолог. Щетку. Восочки – несколько пар. Пикаму с тиграми, чтобы спать..

– Нет, я поняла.. Только для чего это? Мне это совершенно не нужно..

– Мы же договорились..

– Да, но ты не понимаешь! В два я забирала билеты, вечером у меня вебинар, а потом еще всю ночь собираться. У меня сумки..

– Я тебе потом отвезу за билетами.
 – Отвезешь?
 – Да..
 Муж нажимает на педаль. В лицо Тоне несется день, перебирая цветными пятнами. «Я помню», – думает Тоня. Такой был в детстве. Она смотрела в пластиковую трубочку калейдоскопа. Если повернуть, то будет желест. А внутри чуть акварельное по краям сплетение. Голубые осколки неба. Дробятся алые ягоды. И зеленый, много зеленого всех оттенков шуршащей листвы.
 Ветер трогает лоб, и Тоня полностью опускает стекло, подставляя себя движению. Звук сминается под рывками воздуха, все летит, и все же можно различить, как кто-то поет у светофора.
 – Да.. – выдыхает Тоня. – Смотри! Смотри скорей!
 Воле перехода мужчина прижимает губы к микрофону.
 – Я его уже слышала, когда ходила за смикой.. Он поет ту же песню, что и в тот раз. Про счастье.. Да..
 Тоня делает волнообразное движение рукой.
 – Я сразу поняла – это про меня..
 Она машет из окна, но черная полоса уже прокатывается под колесами, унося назад звукоусилители. Небо, лачерканное проводами, движется в первой трети лобового стекла, там, где трещина.
 – ..Куда ты лезешь?
 – Пропусти его, – просит Тоня. – Пропусти, он тебе ничего не сделал..
 Муж рывком притормаживает.
 – Пропусти..
 Тоня смотрит ему в лицо. Наверное, это ломкое освещение, эти постоянные блики, но сейчас она замечает пятна. Кожа там совсем тонкая.
 – А я тебе заказала ночью футболку, – говорит Тоня. – И шортики..
 У мужа под глазами лягушка. Он шурится, напрягая зрение, и мелкие морщинки проступают под нижними веками. Совсем серые..
 – Должны будут на неделе привезти, – говорит Тоня. – «Рибок».
 Машина поворачивает направо.
 – Чтобы ты ходил в спортклуб и не грустил..
 Тоня знает эту улицу. Рядом обменник и в одной из квартир зоопарк. Она ходила туда смотреть енотов. Еноты ели виноград..
 – Не грусти, – говорит она. – Ну?
 – Дизелем воняет..
 – Ну?
 Движение здесь медленней. У обочины из-под разрытого асфальта поднимают трубу.

– Я же поехала с тобой, как ты хотел. Но пойми, никакой психолог нам не нужен.. Это правда. Свои проблемы нам не поможет решить никакой психолог..
 Врубается отбойный молоток. Муж поднимает стекло.
 – Я перечитала очень много книг по психологии.. – говорит Тоня. – Ты не представляешь сколько. Сначала я думала, что со мной что-то не так. А потом я разобралась! Ты просто не понимаешь, мне долгое время приходилось жить как в бутылке! А сейчас я чувствую, что у меня раскрылись крылья..
 Поток еле движется. Муж смотрит на дорогу.
 – Как бабочка, вылезшая из кокона, – продолжает Тоня. – У меня столько сил, энергии, мыслей.. Как же я проспала столько времени? Сейчас я чувствую себя, сейчас я – это настоящая я. Понимаешь? А тебе нужна другая. Спокойная. Тихая. Но это не я, понимаешь? Я другая. Я по натуре лидер..
 Машина едет рывками. Кажется, будто плывешь «лягушкой» в бассейне, думает Тоня. У стилия есть какое-то название.. Оно пахнет хлоркой. В бассейне везде хлорка..
 – Ты понимаешь или нет? – спрашивает Тоня.
 Муж держится за руль. Одна рука на подлокотнике. Он совсем зарос: волосы лезут на глаза. В ушах перхоть. Он смотрит вперед. Но впереди ничего нет, только серый от грязи зад «газели».
 – Да, – говорит муж. – Да..
 Его интонация напоминает клеенку. Тоня видела такую в детстве. Огонь едва тлел под влажными листьями. Из костра торчал обрывок клеенки. Тоня стояла в резиновых сапогах. Воняло гарью и еще чем-то вроде хлорки..
 Тоня ощущает, как что-то поет у нее внизу живота, но не может разобрать смысл этого присутствия. Боль? Тяжесть по-женски? Все кажется ненастоящим в этой машине. Сиденья. Накладка поверх бардачка. Тоня накрывает руку мужа ладонью. Чуть сжимает – теплая..

Ожидание на диванах люди поворачиваются, когда Тоня заходит внутрь. Железная дверь за мужем подтягивается доводчиком, женщина в белом халате долго ищет время их записать.
 – К Виноградову, – тихо говорит она в трубку.
 Немного посоветовавшись с кем-то, она произносит:
 – Валентин Валентинович вас позовет..

Места у входа заняты силуэтами в бахилах, и Тоня проходит в коридор, где можно сесть у кулера. Муж нажимает на кнопку. Качает помпа, и Тоня наблюдает за тем, как что-то рывками всасывает воду. С чавканьем оно заглатывает ее внутрь себя, и на поверхности внутри бутылки возникают пузырьки. Не очень различимые под обрывками полиэтилена, они набухают и лопаются. Лопаются и набухают, и в бесцветном стаканчике появляется вода с неприятным запахом. Тоня кажется, что это смешно. И все же в этом есть связь. Все связано, даже пузырьки, вода и стаканчик. На стаканчике она будет пить воду, а море – плескаться о берег. Оно прохладное и соленое. Под ярким солнцем Тоня укроет голову шляпой. А в темноте достанет термос, записанный в заметки. Тоня добавляет большим пальцем белое платье. В нем они будут танцевать, когда стемнеет.

– Здравствуйте. Вы Антонина? – спрашивает кто-то приветливый.

Но муж поднимается первым. Он быстро говорит, что они пришли вдвоем. Кажется, ему нужно пойти с психологом, а уже потом вернуться за Тоней. Это не очень понятно. Приветливый отвечает из-под маски, что не против, если Тоня не возражает.

– Конечно, я подожду, – соглашается она.

Вещи она сложит в черный рюкзак. Тот самый, к которому муж приколот брошку. Белый зверек с мечом в лапках. «Такой же, как ты, – сказал он. – Снусмумрик». Но рюкзак совсем небольшой. Еще есть зеленая сумка с кожаной ручкой. Внутри войдет спальник. Записать шампунь и, второй раз, отсолнечные очки, только другие, как в «Матрице».

Слышно, как шелкают, ударяя печатями о бумагу, женщины за стойкой у входа. Кто-то смеется. Некоторое время Тоня сидит одна, пока не появляется пожилой мужчина с парнем лет двадцати. Оба одеты в костюмы из грубого коричневого.

– Жди тут, – говорит пожилой.

Он открывает дверь с табличкой WC и запирается внутри. Этих секунд достаточно, чтобы уловить едва различимый запах хлорки. Парень стоит, прижавшись спиной к стене. Бежевая рубашка без галстука застегнута на все пуговицы. Поверх – пиджак, чуть перекошенный на одно плечо. Место рядом с ним свободно.

– Садитесь, – говорит ему Тоня. – Вот здесь удобно.

Глаза парня едва заметны из-под очков. Он неподвижно рассматривает что-то в пустоте коридора. Кто-то по-воронья кашляет в туалете. Радаются звуки падающей воды, и пожилой выходит, встряхивая руками в воздухе. Он прикрывает дверь, но пространство уже заполнено хлором.

Список едва заметно слезится. Пожилкой с парнем уходят, и Тоня добавляет в экран белое худи Levi's и два банана, которые она съест в автобусе. Но бананы теряют вкус. Она записывает влажные салфетки и туалетную бумагу, оцудая на губах хлорку. Вечером у воды она будет сидеть в футболке с Гарфилдом. От солнца надо взять крем, но у крема тот же запах.

Поднявшись, Тоня идет наугад по коридору, не отрываясь от телефона. Вкус дезинфекции расплазается во рту. Она думает, что в поездке у нее будет с собой арбузный «дирол» и жвачки с мишками. Тоня скачала игру: желтый миньон бегает по лабиринту.

Смешно.

Лабиринт тоже продезинфицирован для гигиены. Для гигиены прокладки с тремя капельками. Резинки для волос.

– Ты почему не ждешь? – натикается на нее муж.

– Там запах и...

– Пошли.

Приветливый приподнимается из-за стола, когда Тоня входит в кабинет. Он предлагает садиться и говорит, что его зовут Валентин Валентинович. Светлая обивка кресел шершава на ощупь. Кабинет наполнен зеленым древесным цветом.

– Как у вас здесь хорошо, – говорит Тоня. – Мне нравится.

– Спасибо.

– Да.

На небольшой подставке истекает паром увлажнитель воздуха.

– Я так понял, – говорит Валентин Валентинович, – что вы с мужем рассматриваете вариант развода.

Маска закрывает его лицо так, что видны только улыбающиеся глаза. Едва различимо откуда-то из-под потолка играет музыка.

– Мы не рассматриваем, – отвечает Тоня. – Мы сегодня подали заявление. А что это у вас за статуэтка? Милый медвежонок.

– Это дочка подарила.

– Очень красивый.

– Да, спасибо. И все-таки что-то же вас подтолкнуло? Какие-то события?

– Нет, это уже давно. Это уже два года... Долго рассказывать. Просто тотальное непонимание.

Приветливый чуть наклоняет голову, и Тоня догадывается, что это не просто маска, а респиратор. «Я знаю», – думает она. Прямо в районе носа смежной парост с отверстиями. Пластиковый клапан наполняет пятючок.

- Вы улыбаетесь. Почему?
- Просто, – разводит руками Тоня. – Хорошее настроение, вот и все..
- А в последнее время с вами не происходило ничего волнующего?
- Нет. А что должно было происходить?
- Может быть, вы долго работали и переутомились.. Стресс..
- Ну да.. Я всегда много работаю, потому что я очень активная. Разве это плохо?
- Вы не ощущали какого-то излишнего внимания по отношению к себе?
- Да нет, – пожимает плечами Тоня. – С чего бы это?
- Или, например, слезки.. Может быть, кто-то преследовал вас..
- Нет, – почти смеется Тоня. – Ничего такого не было.
- Ваш муж сказал, что когда вы вернулись с фестиваля..
- Да. Я знаю.. Я была там на обучении..
- То у вас возникли опасения по поводу преследования. Какие-то люди подмешивали вам что-то..
- Подмешивали? – переспрашивает Тоня. – Нет..
- Такого не было?
- Слушайте, вы все неверно воспринимаете, – говорит она. – У меня были сутки без сна. Я очень устала после перелета, и вы это интерпретируете как..
- Вы ощущали за собой слезку?
- Вы меня не слушаете! Я же говорю, как все происходило. Я вообще не понимаю, к чему это.. Как семейный психолог вы лучше спросите у него, – Тоня показывает на мужа, – как он..
- Да вы не волнуйтесь, – говорит Валентин Валентинович. – Мы же просто беседуем, чтобы начать с какой-то отправной точки. А сейчас вы как спите?
- Хорошо..
- Встаете рано?
- Я еще в студенчестве вставала рано. Для меня это органично. Это моя суть, понимаете, чтобы все успеть сделать, – говорит Тоня. – Я привыкла идти к цели, потому что я не деревяшка, которая ни бум-бум! У меня есть талант, и я поняла, что должна пользоваться им! Я встаю теперь рано. Это у него ритм: спать до обеда, а потом..
- Во сколько вы сегодня проснулись?
- Ну, где-то ближе к семи..
- А легли?
- Я не засекала. После двенадцати..
- После двенадцати?
- Ну где-то так..
- И все-таки, хотя бы примерно, во сколько?
- Слушайте, время в принципе понятие относительное, верно? Вообще если очень быстро двигаться, например, как в фильмах про инопланетян, то время будет другим. Время движется не только вперед, но и, кажется, как-то по наклонной, волнами, или как-то так.. – говорит Тоня. – Сегодня ты можешь заснуть в одно время, завтра в другое. У каждого свои жизненные часы и биологические ритмы так устроены, что каждому нужно отдыхать какое-то время.. У меня, например, было много работы, поэтому я и еду отдыхать. Я очень много работала, и мне теперь надо отдохнуть..
- Да-да.. Это хорошо, как и относительность.. – задумчиво произносит Валентин Валентинович. – И все же существуют вещи действительно относительные, насчет которых никто ничего определенного сказать не может, например, есть ли Бог или в чем смысл жизни, и есть вещи вполне конкретные..
- Я знаю, в чем смысл жизни.
- Валентин Валентинович внимательно смотрит на нее.
- Знаете? – спрашивает он. – И в чем же?
- Я скажу, – говорит Тоня. – В этом нет ничего сложного. Смысл жизни в том, чтобы любить и поддерживать друг друга. В полной открытости. В полном доверии. Чтобы одно чувство на двоих. Это и есть настоящее. Как две горошинки в стручке.. Вот в чем смысл жизни..
- Посмотрев на кончики пальцев, она перебрасывает взгляд на собеседника.
- Это же просто. Вот и все..
- Тоне кажется, что глаза Валентина Валентиновича похожи на два кусочка слиды. Солнце струится в них сквозь воду.
- А речка так и называлась – Слюдянка..
- «Я помню», – думает Тоня. Да..
- Хорошо.. – Валентин Валентинович чуть наклоняется вперед. – Но дело в том, что ваш муж очень волнуется. Он считает, что вы испытываете сильный стресс из-за развода..
- Это у него стресс, – морщится Тоня. – Он ваш просто не говорит. Вы даже не знаете, что у него..
- Возможно, но разговор сейчас о другом..
- Я чувствую себя прекрасно. Я пришла сюда только ради него..
- И все-таки он переживает.. – повторяет Валентин Валентинович. – Вы снова улыбаетесь?
- Ничего.. Просто у вас нос на маске похож на такой пяточек, знаете, как у свинок бывает.. – показывает на себе Тоня.

- Да? – удивляется психолог.
- Да...
- Тонкая струйка пара вырывается из увлажнителя.
- А насчет развода, – говорит Тоня, – это ему надо помочь. Мы подали на развод, но мы не чужие. Я понимаю...
- Валентин Валентинович доброжелательно кивает.
- И все же вы сказали, что хотите отдохнуть от работы, – замечает он. – Мозгу нужно восстанавливаться...
- Конечно, организму, чтобы нормально функционировать, нужен отдых, – соглашается Тоня. – Это везде пивуч. Я видела в одной передаче – брали интервью у людей после часа сна. Потому что наши клетки так устроены. Иначе они не работают, и чтобы...
- Все правильно, – говорит Валентин Валентинович. – У нас тоже есть специальная методика для обследования. Уж не знаю, как там по телевизору, но вполне современная. Единственная в городе. Ведь вы же хотели бы проверить, как у вас функционирует организм?
- Закинув руки за голову, Тоня ерошит волосы.
- Ну да... Только я завтра уезжаю, – говорит она. – Наверное, уже после возвращения, хотя у меня будет все занито...
- А хотите прямо сейчас обследоваться? – радуется Валентин Валентинович.
- Сейчас?
- Прямо сейчас. У нас есть такая возможность.
- Это было бы интересно... А много, ну... времени это займет?
- Нет, не очень. Сделаем несколько тестов, базовые обследования...
- «Он покачивает пальцем, как дирижер», – думает Тоня.
- Здорово. Я хочу, – улыбается она. – А что надо делать?
- А я сейчас вам все покажу. – Валентин Валентинович встает из-за стола. – Пойдемте со мной.
- Пойдем, – говорит Тоня мужу.
- Нет, его мы пока оставим здесь, – мягко отвечает Валентин Валентинович, открывая дверь. – Подождите меня тут, хорошо?
- Они идут по коридору. Здесь сильнее, чем в кабинете, ощущается запах дезинфекции. Дотронувшись до стены, Тоня отмечает прохладу. Она ведет линию, двигаясь вдоль скользкой плоскости. Люминесцентное пространство однообразно. Коридоры уставлены дверьми; каждая с белой ручкой. От чего-то Тоня представляет себе, как миньоны, только безликие и серые, напоминающие огромные

таблетки «тик-так» своей окаменелостью, перекачиваются за каждым проемом. Массивные бока продавливают пол. И что-то едва заметно вибрирует под кальциевой оболочкой... Но если вдруг все откроется, думает Тоня, и всякая округлость выйдет наружу, то что же тогда делать, чтобы стало органично? Наверное, они будут катиться, а она бежать. Бежать, ощущая, как нарастает за спиной рокот. И только силуэты в бахилах, похоже, все так же будут перевентиваться, глотая невкусную воду.

Смешно...

Валентин Валентинович открывает одну из дверей.

– Вот, сделайте, пожалуйста, кровь, тесты, как обычно... – говорит он. – Сейчас девушки начнут, а я чуть позже подойду.

Комната покрыта кафелем. Тоня садится на стул, и женщина в зеленоватом медицинском костюме говорит:

– Сейчас возьмем кровь. Процедуры не боятесь?

– Нет, – улыбается Тоня. – Я не боюсь...

– Отличенько. Поработайте-ка кулаком.

Тоня работает кулаком, пока в тонкую жилку на сгибе не входит игла. Пластиковая пробирка наполняется красным, но это почти не больно. Она течет медленно, как вода из банки с краской. Потом женщина в зеленом медицинском костюме говорит: «Вот и все...» – и перебинтовывает прокол. В соседнем помещении Тоню укладывают на кушетку и мажут чем-то резко пахнущим запястья, лодыжки и грудь, так что приходится снять лифчик.

– Все в порядке?

– Да, – отвечает Тоня. – Только запах...

Но ее уже обклеивают датчиками, подключая к небольшому аппарату. Теперь он связан с ее телом. По проводам проходят сигналы, соединяя пульс, дыхание и устройство, считывающее все это и записывающее в память и на специальную бумагу, где образуется кривая. Это неприятно, когда сбивается ритм. «Я помню», – думает Тоня. Но от процедуры только шипит в запястьях и щекотно от присосок.

– У вас тут как в космической тарелке, – глядя на подвесной потолок, говорит Тоня. – Все в проводках...

Потом ей объясняют, что показания получились хорошие, и женщина в зеленом медицинском костюме ведет ее в соседний кабинет.

Что-то кужжит в сумочке, Тоня проводит пальцем по экрану:

– Да-да, – говорит она. – Конечно, я помню. У меня записано... Паспорт у меня с собой. Конечно, я заберу...

Ее усаживают на стул и надевают на голову сеточку из проводов. В дверях появляется Валентин Валентинович:

– Ну, как тут у вас?

– Все отлично, – улыбается Тоня. – У вас тут все очень хорошо обустроено. Прямо как на инопланетном корабле. Сплошная техника...

– Да-да, – радуется Валентин Валентинович. – Вот, запейте таблетку...

– А это зачем?

– А это для обследования. Сейчас будем смотреть мозг. Чтобы лучше считывать данные.

– А, понятно, – говорит Тоня. – Хорошо. У воды медицинский вкус.

Женщина с морщинистыми руками долго поправляет проводки и что-то настраивает на компьютере.

– Сережки нужно снять, – объясняет она.

Два золотых леопарда, улыбаясь, опускаются в сумочку. Тоня гладит их по носам перед тем, как защелкнуть замок.

– Сейчас будет немножко неудобно, – говорит женщина.

Тоне к волосам прикладывает что-то холодное и мокрое.

– Ну как?

– Неприятно...

– Чуть-чуть надо потерпеть.

Один за другим, отодвигая волосы, под сеточку крепят электроды.

– Как вы во всем этом не путаетесь? – удивляется Тоня. – Давайте я подержу.

– Нет-нет. Я сама...

Закончив, женщина снова подходит к компьютеру. Вдохнув, она щелкает несколько раз по кнопкам и чего-то ждет. Тоня думает, что вся эта связанность, все это спрятанное в изоляции электричество чем-то напоминает мшек, которых водят по лабиринту, пока они ищут свой сыр, а потом ударяют током...

– Сейчас, еще разок. – Женщина переставляет электроды.

После каждого перемещения она возвращается к экрану и, хихикая, стучит по клавишам. Иногда электроды отваливаются, и тогда ей приходится снова смазывать их чем-то холодным и прикладывать к Тонинной голове.

Будто прикоснулись железным шариком.

Женщина загораживает комнату, но Тоня замечает, что кафельные стены едва заметно посерели. Изначально наполнявшая их глянцевость, и запах медицинским, кажется, стал сильнее.

– Чем вы можете мне там волосы? – спрашивает Тоня.

– Ничем, – отвечает женщина. – Это специально... Должен быть контакт, а контакта нету...

Контакта нету, думает Тоня. Она представляет себе контакт. Он должен быть железным и кислым, если положить его на язык. Таким осознанием. Настоящим, как соленая вода. Отчего-то нет ничего более настоящего, чем соленая вода. Ночью она совсем черная, когда плещет о деревянный причал. Ты стоишь и покачиваешься вместе с ней. Это движение тоже танец, только танец другого рода. Нет ничего более шершавого, чем песок, когда наступаешь на него босой ногой, думает Тоня. И если зажгут огни, то все это придет в единство: море, босая нога и песок, сложатся, наконец, в одно плавное настоящее, которого у нее не было...

– Ну вот, – говорит женщина.

Выключив свет, она задвигает перегородку, отделяя себя от Тони. Слышно, как кто-то ворочается за компьютером, неестественно нажимая на кнопки. В полумраке бликует лампа, вмонтированная в потолок, сделанный из гипсокартона. Наверное, и стены здесь из гипсокартона, думает Тоня. Но лучше не обращать на это внимание. Рисовать можно на бумаге. Она нарисует рассвет, как лето, хотя уже сентябрь. На деревянном настиле будут гулять коты. Можно гладить их мурчащую вереть и смотреть в небо. Тоня старается не замечать, что из угла за ней наблюдает огонек. Целкий огонек фиксирует ее стеклянным глазом. Слышно, как вентилятор перемалывает воздух за ширмой. Электроды нагреваются, Тоня чувствует импульсы, проходящие сквозь голову. Она пытается сосредоточиться на списке. Ей нужен был список, чтобы ничего не забыть для того, что произойдет на солнце. В нем были вещи: футболочка с Гарфилдом, Микки и соленая вода. Микки улыбается, он мшенок. А в сережках коты, но они добрые. Сетка из проводов вокруг головы испускает невидимые лучи, от которых становится тяжело удерживать мысли. Огонек пульсирует. Тоня думает, что ничего не сделала огоньку. Нужно просто немного потерпеть. В списке были полотенца, песок и еще одна футболочка, с Барби. Их помещают в домики, одевают и следят за чаепитием. «Я помню, – думает Тоня. – Когда-то я хотела Барби, а теперь я сама – Барби». Тоня смотрит на ладони. У нее гнутся пальцы. Женщина с морщинистой кожей вздыхает за ширмой, как настоящая. Тоне хочется сказать, чтобы женщина не притворялась, но та жалобно скребется за перегородкой. В полумраке видно, что перегородка

совсем тонкая, потому что сделана из картона. Рядом с домиком кто-то, наверное, поставил ведро, и теперь хлорка струится в воздухе. От этого слезятся глаза. Они облучают голову, поэтому мысли искривлены. Их не так просто уловить, ведь у них нет прямоты, только скользкость. Тысячи компьютерных змеек струится вверх, вперед, назад. Их хвосты блестящи. Следить за ними невыносимо. Тоня рвет пальцами проводки, чтобы не закричать, но горячие пластинки вросли в голову. Теплый гель скользкий, и когда одна пластинка слетает, то слышен стук. Загорается свет, и кто-то распутывает ее коричневыми руками.

– Снимите их.. – Тоня кажется, что голос едва звучит. – Не надо..

От кожи несет потом.

Ей дышит вода, и женщина в зеленом медицинском костюме ведет ее по коридору.

– Все хорошо. Хорошо.. Сейчас сделаем тестик.

Люди пьют из пластика. Шуршание рассыпается, когда они передвигают ноги. Лица смята и почти не смотрят на нее. Стены монотонны. Стены извиваются углами, напоминая рисунок. Они заштрихованы карандашом, и пространство образуется сгибанием угла.

– Сейчас сделаем тестик..

– Я не хочу.. – произносит Тоня. – Здесь.. нехорошо..

– Только один..

– Нет.. Я иначе.. опаздываю, – повторяет она. – Мне надо забрать.. билеты..

Тоня чувствует руку, поддерживающую ее под локоть. Рука сделана из горячей ваты и все время проваливается. Змейки искрятся по лабиринту. Тоня догадывается, что змейки и есть лабиринт, в котором сгибаются спины. Зачем они?

В одном сгибе открывается дверь.

– Вот, – говорит женщина в медицинском костюме. – Отказывается дальше тестироваться..

Муж и Валентин Валентинович поворачивают головы.

– Они что-то сделали.. лучами, – объясняет Тоня. – Они.. что-то.. и мне.. плохо..

– Ничего-ничего, – поднимается Валентин Валентинович. – Последнее исследование – и мы вас отпускаем..

– Они меня.. облучали.. – говорит Тоня мужу.

– Осталось совсем немножко, вы же не хотите, чтобы все пошло насмарку, верно?

На пальце у Валентина Валентиновича кольцо, но Тоня знает, что оно ненастоящее.

– Там лучи.. – повторяет Тоня. – Я хочу.. уйти..

– Да-да. Чуть-чуть осталось потерпеть. Это ерунда.. Ну что вы смотрите на нее? – обращается Валентин Валентинович к женщине в медицинском костюме. – Ведите наверх, я сейчас подойду..

– Они фальшивые.. – говорит Тоня мужу. – Я не хочу больше..

– Пойдем-пойдем.. – подхватывает ее под локоть.

– Здесь.. Вы же.. понимаете. Мне надо.. ехать..

Ее ведут по коридорам.

– Мне надо.. – повторяет Тоня.

Они поднимаются по лестнице.

– Куда вы.. Куда..

Они поднимаются по лестнице, но Тоня знает, что под ступенями ничего нет. Только видимость. Там воздух и нет никакого основания.

– В первую, в первую, – говорит кто-то.

Комната выкрашена белым. А у металлического изголовья торчит что-то распорщенное с пластиковым пакетом.

Тоня зажимает ладонью рот.

– Что такое? – спрашивают у нее.

Она мотает головой из стороны в сторону.

– Ну что?

– Хлорка.. – задыхается она.

– Сейчас-сейчас, – говорят ей, разламывая стекло.

– Это.. зачем?

– Все хорошо, не волнуйся..

Прозрачная жидкость всасывается из ампулы. Тоня пытается нацупать в сумочке экран. Кажется, он вымазан в теле или еще в чем-то теплом. Рука скользит, и не сразу понятно, где верх.

– Она звонит, – бросает кто-то.

Тихие гудки.

Раз..

Два..

– Это для исследования, – улыбается на-под маски Валентин Валентинович.

Три..

– Билеты.. – пытается объяснить Тоня.

Четыре..

Муж не берет трубку.

– Я не хочу.. – говорит Тоня.

Немного больно.

И впрыскивается тяжесть. Подступая к горлу, тяжесть наклоняет голову. Все куда-то поднимается, и Тоня видит, как в домике сдвигают потолок. Картонные плиты разрезаются, обнажая алюминиевые огрызки. Перфорированные пластины торчат, и становится ясно, что над ними ничего нет. Кто-то наблюдает за часпитием. Но только кажется, что там небо. На самом деле это вода, понимает Тоня, и нет никаких облаков. От воды горячий песок становится

ся липким. Нужно ваять шлепки и сумочку с утятами. Волны станут ударять о дерево. Она будет самая красивая. Море покачивается из стороны в сторону, медленно заполняя все пространство. Вверх по белому листу. Вверх и потом – вниз... Но у воды нет температуры – она такая же, как тело. У нее нет вкуса, только прозрачность. Почти нет запаха, разве что едва различимая вонь...

– Одни час двадцать три минуты! – изо всех сил кричит Иikki.

Вонь от воды заполняет легкие. Тоня хочет поглядить мшмонка, но кто-то уже стигивает его с запястья. Протитанное хлором море обесцвечивает домик и кукол. Картонные стены размокли. Размокли лица. Тоня пытается объяснить, что Иikki плохо, но в этой жидкости губы неправильно проносятся слова. Слова похожи на бумажные комочки, набухавшие во рту. На бумаге нарисовано море. Но никакого моря нет. Никакого моря нет и никогда не было, понимает Тоня. Тоня хочет попросить, чтобы они не обижали Иikki. Ненастоящая вода давит на лоб. Мысли намокают, и рисунок расплывается.

Тоня успевает подумать, что, наверное, море всегда было ненастоящим...

Когда женщина за стойкой хлопает печатью, то раздается щелчок, будто лопнула ветка. Муж смотрит, как администраторша проштамповывает бумагу. В ее очках струится лакированный экран. Иногда женщина открывает рот и произносит слова. Ее соседка, хихикая, шепелит через плечо губами. Люди сгибают спины, надевая бахилы. Бахилы здесь голубые, почти как заставка монитора, мелькнувшая в линзах. За окном ветрено, и микроавтобус хлопает дверцей. В его стеклах, как в зеркале, отражена кланика, и точно становится заметно, что когда женщина ударяет по бумаге, то ее лицо на секунду жестенеет, хотя губы, продолжая по инерции растягиваться, все еще выплевывают звуки изо рта.

Так продолжается неопределенное время, а потом муж встает и, отодвигая от себя дверь, выходит на улицу, где сразу становится прохладно от осени. Посередине двора стоит Валентин Валентинович. Ветер шепелит полы его халата белого цвета. Иногда он взмахивает руками, наломивая птицу. Муж уже движется к нему, но Валентин Валентинович пятится, подавая кому-то знаки. Подчиняясь его жестам, во двор въезжает «тойота-королла». Девушка вытягивает шею, чтобы лучше различить

асфальт из-за руля. Валентин Валентинович приманивает ее, направляя в щель между машинами.

– Давай-давай, потихоньку! – командует он.

Остановившись, муж наблюдает, как серая «королла» рывками пытается занять ограниченную пустоту на парковке. С тихим треском колеса выкручиваются, царапая проезд мелкими камушками, застрявшими в протекторе.

– Теперь немножко вот так. Да... – подсказывает Валентин Валентинович.

Из-за стекла видно безразличное лицо девушки с выжнутой щекой. Она равнодушно отпускает тормоз, давая задний ход, и полированная крыша машины движется, отражая в разводах облачность.

– Вот-вот. Давай на меня...

Они множат эти отрезки перемещения. Раздробленное на неравные части, оно должно быть сведено в кривую, но кривая не строится. Иногда мужу кажется, что вот-вот серый бампер, выбрав нужный угол поворота, войдет на парковку, но потом Валентин Валентинович отодвигает его назад одним движением. Быстро вращая кистью, он подчиняет шину и колесчатый вал. Двигатель внутреннего сгорания покоряется ему, сжимая рабочее тело в цилиндрах, но на выхлопной трубе вместе с газом выливается вода.

– Так. Еще разок... – Валентин Валентинович выводит в воздухе параболу.

«Королла» приближает лобовое стекло и девушку с окаменелым лицом. Ее профиль, не моргая, плавно въезжает в просвет между машинами. В глазах скользят бетонные блоки ограждения и Валентин Валентинович, притягивающий стальной кузов к себе. Что-то скрежещет, но ни девушка, ни Валентин Валентинович не останавливают своего движения и даже не меняют выражения, протягивая вдоль заднего крыла автомобиля острую полосу содранной лакокраски. Соседняя машина бесшумно мигает сигнализацией, вдрагивая от длинного итриха, расчертившего полированный бок, как банку; и только тогда что-то останавливается, и вытянутая шея девушки, покачнувшись, замирает за рулем.

Муж еще некоторое время наблюдает, как Валентин Валентинович неподвижно измеряет «тойоту» глазами. Дверца машины открывается, и из авто, не глядя по сторонам, выходит девушка. Она достает с заднего сиденья пакет с надписью Yves Saint Laurent и, нажав на брелке кнопку, бесшумно проходит к двери, ступая кроссовками по пыльному асфальту. Дверь покрыта порошковой краской. Валентин Валентинович что-то рассеянно ищет в карманах, а девушка не оборачивается изнутри,

бликуя оконным стеклом клиники, но этого муж уже не видит – ему навстречу распахивается улица с двусторонним движением. Плотные потоки автомобилей движутся, разделенные нарисованной полосой. Работает отбойный молоток. Он стучит всю дорогу, даже когда заканчивается линия разломанного асфальта, растянувшаяся вдоль тротуара. Он стучит, когда муж выходит из джипа, хотя никаких строительных работ напротив Академии связи имени Буденного нет.

В помещении почти ничего не осталось, и пахнет микроволновой разогреткой. В коридоре старушка мнется, вставляя купюры в автоматический приемник. Остролицая девушка рассеяно переводит взгляд на мужа, когда он заходит в кабинет. Монитор отвернут от посетителей так, что виден кусок черного шнура, уходящий в столешницу, и мелкие парапикки на пластике возле вентиляционных отверстий. Девушка идет что-то в пакках, и потом долго советуется с кем-то по телефону. Муж наблюдает, как солнце нагревает листья оставленного на окне растения.

– Искусственный? – спрашивает муж.
– Нет, почему? – отвлекается остролицая. – Это мой спатифиллум. Цветок женского счастья.. Вот здесь не забудьте поставить дату.

Чернила засохла, и приходится расписывать стержень, прежде чем накорябать инициалы. Остролицая проверяет бумагу и что-то прикалывает к ней степлером.

– Вы точно решили? – спрашивает она.
– Да, – отвечает муж.

Белые лепестки вырастают и цветоножку и похожи на перья.

– Тогда через месяц придти не обязательно..

– Заявления достаточно?

– Да. Расторжения не будет, если вы опять не передумаете..

Муж смотрит на неподвижные листья спатифиллума.

Слышно, как струится вода, когда муж заходит в квартиру. Натяжной потолок едва заметно дрожит от сквозняка. В полутемной прихожей муж спотыкается о Тонини босоножки. Включив в туалете свет, он долго наблюдает, как тонкая струйка подтекает в чашу унитаза из сливного бачка. Прозрачная змейка в точках ржавчины. Движение едва различимо. Накав смыв, муж идет на кухню и включает чайник. Отметка воды ниже допустимой, и чайник гудит, нагревая остатки. На металлической ручке духового шкафа аккуратно просыхает полотенце. По середине стола – яблоки. Тонкая нарезка потом-

неда на блюде. Муж смотрит, как солнце тускнеет в стальной раковине. За окном вскрикивают дети. В холодильнике на средней полке Тоня поставила кастрюлю. Под стеклянной крышкой застыла каша. Ее плотная серость знолняет металл. Чайник отшелкивает кнопку, и становится слышно, как журчит вода. В сливе унитаза всегда стоит вода. Когда нажимаешь на кнопку – из бачка проливается поток, а потом все должно замереть. Но слив подтекает. Муж еще раз спускает воду и, прикрыв дверь туалета, идет в спальню. Он стягивает джинсы, потом футболку и носки. Скомканная одежда остывает на полу. Под пятками чуть липкая гладкость ламината. Стоя в одних трусах, муж смотрит, как в стеклах здания напротив отражается облачность. Окна уперты в девятиэтажку, и почти все место занимает облицованная серыми панелями стена. Только небольшой кусок пространства сверху отди под небо. Двухспальную кровать Тоня застелила зеленым покрывалом. От ткани по телу пробегают мурашки. Бархат расшит точками – Тоня осталось доделать немного. Сбросив покрывало на пол, муж смотрит в зеркало. Волосы линией спускаются от груди к пупку. Три черные родинки напоминают клеши, насосавшихся крови.

Муж ложится на простыню. Слышно, как кто-то с визгом пробегает по потолку, а потом наступает тишина. Кажется, что потолок едва заметно дрожит от натяжения. Если встать на стремянку, то можно проткнуть поливинилхлорид пальцем. В телевизоре обессточенный экран. Рядом статуэтки носорогов, затемненные Тоней под бронзу: мальчик и девочка.

У девочки на голове засохший лепесток.

Муж закрывает глаза.

Окна закрыты, и за полированным стеклом больше не слышно улицы. Лиловые разводы под веками. Двухспальный матрас холодит спину, а в стороны от него уходит пустое место. Тишина располагается по квартире, как опухоль.

Муж лежит голый.

Едва различимая струйка воды подтекает в чашу унитаза.

